

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ПЕНСКОЙ

ИВАН ГРОЗНЫЙ НАЧАЛО ПУТИ

Очерки русской истории
30 — 40-х гг. XVI века

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Иван Грозный. Начало пути.
Очерки русской истории
30–40-х годов XVI века**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47).043

ББК 63.3(2)43

Пенской В. В.

Иван Грозный. Начало пути. Очерки русской истории 30–40-х годов XVI века / В. В. Пенской — «Центрполиграф», 2023 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-10215-7

Новая книга российского историка В.В. Пенского посвящена сложному и противоречивому времени в истории Российского государства и человеку, ставшему символом этого времени, — Ивану Грозному. Долгое правление Ивана IV, по существу, подвело итоги пребывания династии Рюриковичей на вершине власти русского политического Олимпа. Первый русский царь завершил дело, начатое его прадедом Василием II и дедом Иваном III, — собирание земель и власти. Он достроил здание русского «служилого государства», которое затем неоднократно перестраивалось, в особенности при Петре Великом, и просуществовало до второй половины XVIII века, когда при Екатерине II начался его постепенный демонтаж. Этот процесс был сложным и отнюдь не прямолинейным — после рывка вперед, сделанного при Иване III, наступило затишье при Василии III, когда и страна, и власть как будто готовились, копили силы и энергию перед новым прыжком. Неожиданная смерть Василия III отложила этот процесс на некоторое время. Автор рассказывает о годах «боярского правления», наступившего после кончины отца Ивана IV, периоде «междоцарствия» и безвременья, когда формировалась личность и характер будущего грозного царя, и как начинался его путь к власти. Автор включил в свой труд многочисленные цитаты из летописей и грамот времен Ивана Грозного с тем, чтобы как можно лучше передать дух эпохи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).043

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-227-10215-7

© Пенской В. В., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

От автора	7
Грозный царь или грозное время?	11
Глава I	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виталий Викторович Пенской
Иван Грозный. Начало пути
Очерки русской истории
30—40-х годов XVI века

© Пенской В.В., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

От автора

Идея написать эту книгу имеет давнюю предысторию. Приступив в конце нулевых годов к более детальному, чем прежде, изучению военной истории Русского государства раннего Нового времени (а точнее, «длинного XVI века», первой его половины, от времен Ивана III до времен Смуты), мы пришли к выводу, что для лучшего понимания сущности процессов, определивших именно такой ход развития русского военного дела в эти десятилетия, необходимо более основательно заняться историей общей. Не разобравшись в особенностях политического развития России раннего Нового времени, понять, почему все повернулось так, а не иначе, было бы довольно сложно, если вообще возможно. Впрочем, только ли политического? Ведь никто так и не опроверг мнение немодного ныне классика, утверждавшего, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹. Следовательно, обойтись без того, чтобы не погрузиться более или менее глубоко в проблемы социальной, экономической, культурно-религиозной истории России и русского общества того времени, оказывалось практически невозможным.

Итак, погружение в глубины исторического океана состоялось, и по прошествии пяти лет, к середине 10-х гг. нового века, наши представления об эпохе последних Рюриковичей более или менее устоялись. Образно говоря, здание было построено, и дело встало лишь за его внутренней отделкой, доработкой фасада и очисткой заднего двора. Естественно, что, памятуя об изречении Козьмы Пруtkова насчет невозможности объять необъятное, мы сконцентрировались на временах Ивана Грозного – пожалуй, фигуры едва ли не самой яркой, загадочной и противоречивой в русской истории раннего Нового времени. Объяснение этому довольно простое – при грозном царе московская военная машина обрела свои классические формы и прошла успешное испытание в огне нескольких войн на разных «фронтах» с разными неприятелями. Само собой, сосредоточившись на ее изучении, мы не могли не затронуть и проблемы, связанные с историей правления первого русского царя – без этого раскрыть секреты побед и неудач русского войска в 40-х – начале 80-х гг. XVI в. было совершенно невозможно.

Обращение к сюжетам отечественной и зарубежной «Иванианы» дало несколько неожиданный результат. Не то чтобы мы изначально были настроены негативно по отношению к Ивану Грозному, который пользовался, пользуется и, очевидно, еще долго будет пользоваться ярко выраженной отрицательной репутацией едва ли не самого главного «антигероя» русской истории. Нет, скорее налицо был чисто человеческий интерес к этой яркой и неординарной личности («В основе всякого научного изыскания всегда лежит некий человеческий интерес», – писал отечественный медиевист А.Я. Гуревич²), оставившей столь глубокий след в нашей истории. И интерес этот чем дальше, тем больше подогревался противоречивыми впечатлениями от прочитанных книг о его эпохе и о нем самом³.

---

¹ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 171.

² *Гуревич А.Я.* История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 564.

³ Пожалуй, для нас самыми значимыми работами отечественных историков, которые сыграли важную роль в формировании общего отношения и к первому русскому царю, и к его времени, стали «Царство террора» Р.Г. Скрынникова, прочитанная в далеком 1992 г., биография Ивана Грозного, написанная Б.Н. Флорья и вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» в 2003 г. (на наш взгляд, едва ли не самая лучшая и взвешенная из всех иных биографий Грозного на настоящий момент), и исследование А.Л. Хорошкевич о внешней политике Ивана Грозного (которое, пожалуй, стало первым, заставившим серьезно задуматься над тем, что и сам царь был не так одномерен, каким его принято рисовать, и его эпоха не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд). См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992; *Флорья Б.Н.* Иван Грозный. М., 2003; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. И, само собой, нельзя не упомянуть небольшое исследование об Иване и его эпохе, принадлежащее перу русского историка (больше известного сво-

Эти противоречия вынудили обратиться не столько к историографии, касающейся эпохи Ивана Грозного (по причинам, о которых будет сказано дальше), сколько к источникам, причем не столько и не только к нарративным (летописи, хроники и свидетельства современников, поскольку все они в большей или меньшей мере носили ярко выраженный субъективный характер), но к документальным. Конечно, всякий документ создан конкретным человеком, который при всем прочем вложил в него частичку себя, однако степень субъективизма этих источников все же не столь высока, как в первом случае. Впрочем, и от исторического нарратива есть польза, и немалая, если подойти к его интерпретации с иным, чем прежде, «вопросником». «Источники сообщают историку только те сведения, – писал упоминавшийся нами выше А.Я. Гуревич, – о которых он эти источники вопрошает». И дальше он отмечал, что «[исторический] памятник нем и невыразителен до тех пор, пока исследователь не задаст ему свои вопросы», а вопросы определяются тогда, когда сам исследователь формулирует проблему. «Проблема диктует вопросник историка, – продолжал исследователь, – с которым он приходит к памятнику; ставя перед ним свои вопросы, историк преобразует этот безмолвствующий памятник в источник сведений, которые он ищет»⁴. Вот и мы, столкнувшись с противоречивостью оценок и суждений относительно личности царя и его эпохи, причем в равной степени как среди современников Ивана Грозного, так и среди историков последующих поколений, оказались перед необходимостью, принимая во внимание мнения авторитетов, тем не менее подойти к имеющимся в нашем распоряжении источникам со своим «вопросником».

К моменту составления этого «вопросника» мы уже пришли к выводу о том, что в сформировавшейся к настоящему времени «Иваниане» сложилась своего рода «черная легенда», не заметить которую просто невозможно. И эта «черная легенда», прочно утвердившаяся в общественном сознании благодаря миллионам школьных и вузовских учебников (которые не могут врать по определению), надежно блокировала всякие попытки взглянуть и на личность первого русского царя, и на его эпоху иначе, чем это было натвержено со школьной скамьи и потом повторено бесчисленное количество раз и в научных трудах, и в художественной литературе, и в публицистике – да мало ли где еще! Она, живущая своей жизнью, продолжает воспроизводиться и поныне – примеров тому сыскать не составит особого труда. Достаточно вспомнить бурное обсуждение в медиа- и интернет-пространстве установления памятника Ивану Грозному в Орле некоторое время назад.

Однако следование в рамках этого, с позволения сказать, «дискурса» отнюдь не давало ответа на возникающие с завидной регулярностью вопросы, напротив, только способствовало рождению все новых и новых. Как результат, выход за ее рамки стал неизбежен, а вместе с ним возникли и новые проблемы. Как, под каким углом зрения подойти и к личности самого Ивана, и к его эпохе? Что взять за основу, что выступит в роли того самого архимедова рычага, который позволит перевернуть Землю? Его очертания, пока еще смутные, были нащупаны еще в 2014–2015 гг., более или менее зримые очертания он обрел в 2016–2017 гг.⁵, и тогда же в общих чертах сложился и замысел этой книги. Писать еще одну биографию Ивана Грозного, на наш взгляд, не имеет смысла – их и без того существует превеликое множество, от солид-

---

ими трудами по медиевистике) Р.Ю. Виппера (*Vinner P.Ю.* Иван Грозный. Рига, 1923), внимательное, с карандашом в руках, изучение которого только утвердило нас в мысли о том, что в истории первого русского царя далеко не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд.

⁴ Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. С. 436.

⁵ Серьезным подспорьем в кристаллизации нашего замысла стала изданная в 2016 г. работа американского историка Н. Колл-манн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени» (*Collman H.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016), которая подвела недостающее доселе методологическое обоснование под него, и перечитанная еще раз под влиянием этого исследования работа В. Кивельсон «Картография царства» (*Кивельсон В.* Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. М., 2012). И, само собой, нельзя не упомянуть и солидное по объему фундаментальное исследование М.М. Крома «Вдовствующее царство» (*Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010) и его же «Рождение государства» (*Кром М.М.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018).

ных и капитальных исследований до обзорных и популярных, в т. ч. и претендующих на сенсационность⁶. Напрашивался закономерный ответ на этот вопрос – не очередной портрет грозного царя, каким бы он ни получился, нужен, нет, речь должна идти о другом – скажем так, о портрете на фоне эпохи. Более того, нам представляется более интересным и важным сам фон, исторический контекст, в который будет помещен этот портрет, своего рода интерьер, внутри которого и размещена будет картина. И в этом отношении нам близок подход, выбранный отечественным историком М.М. Кромом в одной из его последних работ. «Вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении тех или иных земель я сделал акцент на *внутренних* аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т. д.», – писал он⁷. Впрочем, от повествования о военных походах мы все же отказываться не намерены – Иван Грозный большую часть своего правления провел в войнах, и не сказать о них будет, конечно же, большой ошибкой, тем более если принять во внимание то влияние, которое оказали войны на развитие русской государственности и общества в ту эпоху.

Такая постановка вопроса нам сегодня импонирует больше всего, нежели традиционное жизнеописание в позитивистском духе, тем более если принять во внимание, что политические бури, бушевавшие при дворе, если и затрагивали основную массу населения Русского государства того времени, то косвенно. Двор и кипевшие при нем страсти жили одной жизнью, а страна – другой, и пересекались два этих мира не так часто, как можно представить, исходя из сведений, что составляет нам исторический нарратив. Отсюда и вывод, что замыкаться на описании происходившего на московском политическом олимпе – значит существенно обеднить общую картину происходившего в стране. Между тем время Ивана Грозного – это эпоха, когда завершается строительство «земско-служилого» государства (термин Ю.Г. Алексеева), монархии «самодержавно-земской» (С.П. Мельгунов), не говоря уже о формировании институтов общества, которое сегодня назвали бы «гражданским», и выстраивания системы взаимоотношений между ним и верховной властью. И это только вершина айсберга, то, что лежит на поверхности! При этом все эти перемены происходили на фоне грандиозных подвижек во внешнеполитической сфере и в европейской мир-экономике (И. Валлерстайн), которые прямо и косвенно оказывали влияние на процессы, протекавшие внутри Русского государства и общества в этот «долгий XVI век» (Ф. Бродель). Об этом и пойдет речь дальше в этой работе.

Понятно, что столь грандиозный замысел невозможно воплотить в работе столь ограниченного объема, поэтому, не претендуя на всеобъемлющий и всеохватывающий характер нашего скромного исследования, назовем его скромно очерками из русской истории времен Ивана Грозного. Быть может, в последующем отдельные аспекты этой работы найдут свое отражение в других, более глубоких, скрупулезных и менее широких по охвату, временному, пространственному и тематическому, работах. Пока же мы снова повторим старую добрую латинскую мудрость – *Feci, quod potui, faciant meliora potentes*, поблагодарив всех тех, кто принял так или иначе участие в создании этой книги (и в особенности нашу супругу Т. Пенскую, неизменно поддерживающую нас во всех наших начинаниях и обеспечивающую нам прочный тыл).

P. S. Мы преднамеренно включили в текст многочисленные цитаты из летописей и грамот времен Ивана Грозного с тем, чтобы передать дух эпохи. Конечно, сначала их язык может

⁶ О работе Б.Н. Флори мы уже писали, а в качестве примеров иных биографий первого русского царя, написанных в ином ключе, можно привести работы, к примеру, Д.М. Володихина, И. Мадарьяги и В.В. Шапошника (См.: *Володихин Д.М.* Иван IV Грозный. М., 2010; *Мадарьяга И. де.* Иван Грозный. М., 2007; *Шапошник В.В.* Иван Грозный. СПб., 2015). На другом же полюсе – «Иван Грозный. Кровавый поэт» неизвестного А. Бушкова (М., 2007) и «Царь грозной Руси» В. Шамбарова (М., 2012).

⁷ *Кром М.М.* Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 7.

показаться архаичным и порой сложным для понимания, однако лиха беда начало, и стоит только привыкнуть к нему, и он предстанет совершенно в ином свете.

Грозный царь или грозное время? Вместо введения

Времена не выбирают, в них живут и умирают...

Полтора с лишком века назад, в 1862 г., в Новгороде Великом, том самом городе, «откуда есть пошла Русская земля», при громадном стечении народа, в присутствии императора Александра II, августейшего семейства и блестящей императорской свиты был торжественно открыт величественный монумент работы скульпторов Михаила Микешина и Ивана Шредера в честь 1000-летия России. Среди 128 персонажей, олицетворяющих долгий путь, пройденный Россией за эти столетия, нашлось место и царствующим особам, и полководцам, и деятелям культуры. Есть даже скульптурные изображения великих литовских князей – Гедимина, Ольгерда, Кейстута и Витовта. Но нет на памятнике образа исторического персонажа, одолевшего казанских и астраханских татар, отразившего натиск Крыма и, по существу, положившего конец крымскому имперскому проекту, при котором началось покорение Сибири, первым прорубившего окно в Европу, завершившего создание основ Московского государства, самобытного писателя, незаурядного полемиста и гимнографа...

Кто этот человек? Наверно, уважаемый читатель уже догадался, о ком идет речь, – конечно же, это первый русский царь – Иван Грозный, личность чрезвычайно сложная, противоречивая и во многом загадочная, подлинный русский сфинкс, в котором все было величественно чрез меры – и гений, и злодейство. Почему же так получилось, что и в исторической традиции, и в общественном сознании не только России, но и ближнего и дальнего ее зарубежья далеко не однозначный образ Ивана Грозного ассоциируется со своего рода эталонном кровавого злодея и тирана, по всеобщему мнению выделяющегося своими тиранствами и злодействами даже на фоне других тиранов и злодеев грозного и отнюдь не вегетарианского и толерантного XVI столетия, века Реформации и Контрреформации, религиозных и иных войн, колониальной экспансии, мятежей и заговоров?

Можно ли попробовать увязать воедино личность первого русского царя и время, когда он жил, действовал и творил? «Грозный царь или грозное время» – под таким названием в 2004 г. историк С.Н. Богатырев опубликовал небольшое исследование, посвященное изменению психологического образа первого русского царя в историографии, российской и западно-европейской, в XIX–XX вв.⁸ Проанализировав основные точки зрения относительно психического состояния Ивана Грозного, которые сложились в исторической «Иваниане» за двести лет, историк пришел к выводу, что «трактовка личности Грозного как „продукта своей эпохи“ прежде всего характерна для тех исследований, где изложение исторических событий жестко подчиняется историософским или идеологическим схемам и конструкциям»⁹.

Не принимая и не отвергая однозначно этот тезис (на то есть причины, которые мы постараемся озвучить далее по тексту нашей книги), мы все же рискнем утверждать, что такая яркая и неординарная личность, как Иван IV, могла – нет, не появиться, ибо незаурядные и из ряда вон выходящие персонажи драмы, известной нам как История, выступают на ее авансцену с завидной регулярностью – раскрыться во всей своей полноте только в «долгий XVI век» (или, край, в раннее Новое время, которое ряд историков предлагает довести до начала Великой Французской революции – первой действительно великой и действительно революции, с которой не могут сравниться ни нидерландская революция XVI в, ни английская XVII столетия).

---

⁸ Богатырев С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // История и историки: историографический вестник. 2004. М., 2005. С. 52–82.

⁹ Там же. С. 78.

Хронологические рамки этого «столетия» (которое, на самом деле, вовсе не столетие) великий французский историк Ф. Бродель определял между серединой XV и серединой XVII в., причем это «удвоенное» столетие довольно четко разделялось им пополам по середине XVI в. – на «век золотого изобилия» и «век серебряного изобилия»¹⁰. «Франция Генриха II – это уже не залитая солнцем Франция Франциска I, – писал Бродель, – елизаветинская Англия – это уже не Англия Генриха VIII...»¹¹

Почему так получилось и насколько прав был мэтр, когда в рамках выдвинутой им концепции «длительного времени» (*longue durée*) предложил расширить временные рамки XVI столетия именно таким образом? Логику его рассуждений понять нетрудно, тем более что в том же ключе рассматривали историю Европы ряд других видных историков, или напрямую взявших на вооружение тезис, выдвинутый Броделем, или пришедших к аналогичным выводам самостоятельно. Так, другой французский историк, П. Шоню, характеризуя основной тренд развития раннеמודерного европейского общества, писал в 1965 г. о том, что «традиционная история подчиняется той же хронологии, что и история глобальная, двинувшаяся от внутреннего моря к богатым планктоном холодным морям севера, тогда как малый ледниковый период стал теснить Европу холодным фронтом полярных морей». И, подытоживая свое наблюдение, он отмечал: «Классическая Европа – это еще и холодная Европа, под суровым оком грозного бога пуритан и сокровенного бога янсенистов. Европа, покинувшая Средиземноморье»¹². Об этой тенденции, кстати, упоминал и сам Бродель, когда указывал на то, что «Европа тогда „качнулась“ в сторону Севера. И на этот раз – на столетия», причем центр европейской (в широком смысле) торговли и финансов сместился из Генуи в Амстердам¹³, так что Средиземноморье, сердце средневекового мира, надолго выбыло из игры и скатилось на периферию раннеמודерного общества. Конец доминирования Средиземноморья, по мнению Броделя, был связан с «широкой деградацией мира-экономики», той экономической системы, которая сформировалась ранее, еще в эпоху высокого Средневековья, и обусловлена расцветом итальянских городов-государств, прежде всего Венеции¹⁴.

Развивая эти идеи, американский социолог И. Валлерстайн рассматривал XVI век как «конструкцию, основанную на соединении двух ранее отдельных систем: христианского Средиземноморья с центром в городах Северной Италии и фламандско-ганзейской торговой сети на севере и северо-западе Европы», к которой примыкали на правах сырьевых придатков «с одной стороны, земли к востоку от Эльбы, Польша и некоторые другие территории Восточной Европы – а с другой стороны, острова Атлантики и определенные части Нового Света»¹⁵.

Чем была обусловлена эта масштабная перестройка экономической системы эпохи высокого Средневековья? Конечно, принимая во внимание многофакторность исторического процесса, нельзя свести причины этого явления, имевшего, в конечном итоге, глобальные последствия, к какой-то одной. Однако представляется, что весьма немаловажную роль во всех этих процессах сыграл распад возникшей в результате завоеваний Чингисхана и его преемников «монголосферы», охватывавшей в период своего расцвета немалую часть Евразии. Столетие, предшествовавшее «долгому XVI веку», ознаменовалось колоссальными геополитическими подвижками, охватившими практически весь континент. Падение монгольской империи, хаос

¹⁰ См., например: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003. С. 794–795, 796.

¹¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007. 752 с. С. 153, 160.

¹² Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 21.

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация. Экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. С. 153, 160.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М., 2015. С. 79.

и анархия, воцарившиеся на ее просторах как результат ожесточенной борьбы за власть многочисленных претендентов на трон из «Золотого рода» потомков Чингисхана, разрушили устойчивые торговые связи и экономические системы и запустили болезненный процесс перестройки всей системы экономических связей и отношений Евразии, прежде всего в ее западной части.

Как результат, эта масштабная перестройка экономической системы, ключевым моментом которой стало постепенное смещение центра экономической активности на северо-запад Европы, естественно, не могла не вызвать столь же масштабных изменений и в других сферах жизни тогдашнего общества (в самом широком смысле). Параллельно с этой своего рода экономической «революцией» в Европе (а затем и в других регионах мира) шла так называемая военная революция. Ее концепция была предложена британским историком М. Робертсом в 1955 г. и подразумевала, что внедрение пороха и появление огнестрельного оружия обусловили масштабные изменения в политическом и социальном устройстве европейского общества¹⁶. По существу, Робертс и его единомышленники (среди которых выделяется фигура Дж. Паркера, который существенно доработал и развил идею Робертса¹⁷, став во второй половине 70—80-х гг. минувшего столетия одним из главных «апостолов» этой концепции) увязывали воедино процессы перемен в военном деле и военных технологиях Западной Европы в «долгий XVI век» с рождением современного государства. Не все были согласны с такой постановкой вопроса – так, например, британский историк Н. Хеншелл полагал, что «большие армии были скорее следствием сильной монархии, а не ее причиной»¹⁸, однако тот факт, что ускорившееся в XVII–XVIII вв. развитие военного дела и процессы формирования характерных для ранне-модерного государства (об этом подробнее мы скажем дальше) институтов и отношений, политических, юридических, социальных, экономических и прочих, не просто совпадали по времени, но взаимно обуславливали друг друга, в принципе не вызывает сомнения.

Но не только экономическая, военная и политическая «революции» были характерны для «долгого XVI века». Говоря о переменах, которые происходили в эти десятилетия в жизни государства и общества, не стоит забывать и о своего рода «культурной революции». И дело здесь даже не столько в таком ярком феномене, как Ренессанс (который был, по существу, сугубо элитарным «продуктом» для «избранных»), сколько в переменах в пресловутой «массовой культуре». Изобретение И. Гутенбергом книгопечатания сделало возможным Реформацию, а эта последняя вызвала к жизни не менее масштабную католическую Контрреформацию с их процессами *Sozialdisziplinierung*'а («социального дисциплинирования»), *Konfessionsbildung*'а («создания конфессии») и *Konfessionalisierung*'а («конфессионализации») (и об этих чрезвычайно важных и неоднозначных социокультурных явлениях мы также скажем подробнее по ходу нашего повествования). Как результат, мы наблюдаем постепенное формирование ростков новой, современной культуры – прежде всего в крупных городах, от которых культурные импульсы расходились на периферию подобно волнам от брошенного в воду камня.

Все эти явления развивались подспудно, не торопясь, постепенно меняя облик Европы (и не только ее одной). Внешними проявлениями этой невидимой на первый взгляд работы «крота истории» явились значимые исторические события, которые сами по себе выглядели как будто вполне традиционно и «вытекали» из самого хода истории, однако их значение явно выходило за рамки традиции. Падение в 1452 г. ордынского «царя» Саид-Ахмеда, которое де-факто подвело черту под историей Золотой Орды; взятие османским султаном Мехмедом

¹⁶ См., например: *Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. L. 1967. P. 195–225.*

¹⁷ См., например: *Parker G. The „Military Revolution“, 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. V. 48, № 2, June 1976. P. 195–214; Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988.*

¹⁸ *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 11.

Фатихом Константинополя в 1453 г.; завершение Столетней войны, также пришедшееся на тот же год; подчинение Иваном III Великого Новгорода и запуск им процесса пересмотра прежних договоров Новгорода с Ганзой; завершение испанской Реконквисты и открытие Колумбом Нового Света в 1492 г.; начало Итальянских войн в 1494 г. и в том же году подписание договора в Тордесильясе о разграничении колониальных империй Португалии и Испании; прибытие эскадры Васко да Гамы в Каликут в 1498 г.; взятие Василием III Смоленска в 1514 г.; захват в 1516 г. османским корсаром Аруджем Алжира; выступление Мартина Лютера в 1517 г., положившее начало Реформации; битва при Мохаче и ликвидация независимого Венгерского королевства в 1526 г. – это лишь некоторые важнейшие события политической истории в истории Европы и Средиземноморья в первой половине «долгого XVI века» – века экспансии (как характеризовал его британский историк Р. МакКенни¹⁹).

Взятые по одиночке, все эти события как будто не представляли собой значимой силы, которая могла разом изменить все и вся. Однако их число постепенно росло, причем во всех сферах жизни и общества, и государства, и рано или поздно, но количество этих изменений должно было перерасти в новое качество. А вот здесь и возникает самый главный вопрос: а готово ли было тогдашнее общество к этим переменам и в особенности к переходу их количества в качество?

Ответ на этот вопрос будет скорее отрицательным, нежели положительным, и вот почему. В свое время французский социолог и культуролог К. Леви-Стросс предложил разделить все общества на два основных типа – на «горячие» и «холодные». «Одни из них («холодные». – В. П.) стремятся, – писал исследователь, – благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы; другие («горячие». – В. П.) решительно интериоризируют историческое становление, чтобы сделать из него двигатель своего развития»²⁰. Раннемодерное европейское общество (и русское в особенности) в этой классификации может быть отнесено именно к «холодным» обществам – обществам патриархальным, аграрным, «деревенским», одним словом, обществам «первой волны» (по классификации американского культуролога Э. Тоффлера).

Для таких обществ, консервативных в своей основе, «заточенных» под сохранение и воспроизводство «старин», традиции, было характерно настороженное отношение (а то и неприятие, причем как пассивное, так и, зачастую, активное) ко всякого рода новшества, которые могли изменить устоявшееся и привычное, завещанное от отцов и дедов, положение вещей. Тем более это относилось к таким нововведениям, которые были способны радикально переменить существующий порядок. «Все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» – этими словами из средневекового русского сборника нравоучений «Пчела» можно, пожалуй, в наилучшей степени охарактеризовать отношение подобных «холодных» обществ к переменам²¹. Да и сами тогдашние правители, воспитанные в традиционной среде и в традиционном духе, еще не были готовы к тому, чтобы «отменить» традицию и пересмотреть «старину». Стоит ли, в таком случае, удивляться тому, что в своей деятельности они, как правило, руководствовались принципом, который в лаконичной и лапидарной, но оттого не менее четкой и ясной, формуле выразили великие литовские князья – предшественники и современники нашего героя: «Мы старин не рушаем а новины не уводим»²².

¹⁹ MacKenney R. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London, 2002.

²⁰ См., например: Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. С. 438.

²¹ Розанов С.П. Материалы по истории русских Пчел // Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLIV. М., 1904. С. 34.

²² Lietuvos Metrica. Kn. № 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. S. 170.

Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что «старину» не стоит рассматривать как нечто неизблемое и преходящее из века в век совершенно неизменной. К. Леви-Стросс, развивая свою концепцию, указывал, что «холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными) желают его (неизбежный эволюционный процесс, связанный с переменами и изменениями привычного образа жизни. – В. П.) игнорировать и **пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояния, считаемые ими «первичными» относительно своего развития...**»²³ (выделено нами. – В. П.). Однако даже и в таком случае всякая перемена должна была опираться на авторитет «старины», оправдываться ею или же, на худой случай, заявлять о том, что она-де призвана эту самую почтенную «старину» восстановить.

Одним словом, жизнь не стояла на месте, и вне зависимости от желания большей или меньшей части общества перемены все равно наступали и шаг за шагом, постепенно изменяли облик настоящего. Формально все как будто оставалось по-старому, а вот на деле, в реальности – уже нет. Новое прорастало сквозь традицию, раннемодерное государство постепенно сменяло собой позднесредневековое, и, естественно, изменялось и само общество, как правило, вопреки своим желаниям и настроениям. И чувство того, что мир меняется, и меняется не в лучшую сторону, подкрепляемое реальными событиями (да хотя бы и последствиями пресловутой «революции цен»), постепенно получало все более и более широкое распространение. Стремление остановить процесс перемен в «долгий XVI век» становится одним из определяющих факторов развития политической и социальной жизни общества, а ностальгия по старым добрым временам явилась действенным мотивом, лежащим в основе ответной реакции общества на те или иные действия власти, которые могли быть истолкованы именно как попытка изменения существующего устоявшегося порядка вещей. Социальное напряжение в обществе постепенно нарастало, и «долгий XVI век», в особенности вторая его половина, по праву может быть поименован «бунташным веком», веком мятежей, революций, смут и иных великих потрясений, волнами перекатывавшихся по всей Евразии из края в край.

В самом деле, если взять вторую, «серебряную» половину этого «столетия», то нетрудно заметить, что ни одна страна или регион континента не остались в стороне от этого процесса. Начало было положено Францией, которая, едва выбравшись из казавшихся бесконечными Итальянских войн, немедля погрузилась в пучину войн религиозных, растянувшихся на полвека и приведших страну на грань катастрофы. Практически параллельно с усобицей во Франции началась революция в Нидерландах (обратим внимание на ее особенность – под консервативными лозунгами, ибо попытка испанских властей изменить статус Нидерландов внутри империи вызвала недовольство со стороны нидерландского «политического народа», а когда Испания попыталась жестко подавить его, в ответ в стране вспыхнул мятеж). Это выступление очень скоро вылилось в так называемую Восемидесятилетнюю войну – голландско-испанскую войну, которая имела колоссальные последствия и для самих голландцев и испанцев, и для всей последующей европейской, да и не только ее, истории (уже хотя бы потому, что военные действия в ходе этого конфликта велись не только в Европе и прилегающих к ней морях, но и далеко за пределами Европы – в обеих Индиях, Ост- и Вест-, и на просторах мирового океана).

Не успело завершиться вооруженное противостояние католиков и гугенотов в *la belle Franze*, как началась так называемая *Джелялийская смута* в Османской империи, из которой страна выбралась с большим трудом и серьезными потерями (и ведь можно провести параллели между этой смутой и Смутой русской – местами сходство происходящего будет просто поразительным). Следующей на очереди оказалась Священная Римская империя, в которой приглушенный к середине минувшего столетия религиозный конфликт вновь разгорелся и в 1618 г. перешел в открытую стадию, положив начало печально знаменитой Тридцатилетней

²³ Леви-Стросс К. Неприрученная мысль. С. 439.

войне 1618–1648 гг. Завершающая стадия этой войны совпала по времени с началом *Великого мятежа* в Англии и *Хмельниччины* в Речи Посполитой (в которой восстание запорожских и реестровых козаков и хлопов плавно переросло в знаменитый *Потоп*, едва не приведший к первому разделу польско-литовского государства).

Неспокойно было и на другом конце континента. Минский Китай, который в первой половине XV века окончательно перешел к политике самоизоляции, к исходу XVI столетия вступил в пору очередного острого социально-экологического кризиса²⁴, последствия которого были катастрофичны. Крестьянские войны, вторжение маньчжуров, падение династии Мин, голод и эпидемии опустошили Китай и надолго ввергли его в пучину хаоса и анархии. В соседней Японии XVI век прошел под знаком нарастающего соперничества влиятельных провинциальных князей-*дайме*, которое по традиции очень быстро приобрело форму многолетней войны всех против всех (*сэнгоку дзидай*), и в начале следующего столетия эта усобица завершилась установлением в Японии власти *сёгунов* из новой династии Токугава. Наконец, в Центральной Азии и на индийском субконтиненте ситуация в «долгий XVI век» тоже не может быть названа безмятежной – бурные события, войны и социальные движения не оставили стоной и эти регионы.

Одним словом, время, в котором пришлось жить и действовать нашему герою, никак не может быть названо спокойным, а вот грозным поименовать его можно легко и непринужденно. Ведь и Россию в этот долгий век никак нельзя было назвать островком спокойствия и благолепия в этом бушующем океане. Общие тенденции развития не могли не миновать и ее, тем более что она вовсе не была такой же замкнутой и самоизолировавшейся от внешнего мира, как минский Китай. Конечно, московское общество в эпоху «долгого XVI века» существенно отличалось от западноевропейского, в особенности если сравнивать его с наиболее развитыми регионами Европы, а не с ее захолустьем. Однако и в нем, при всей его консервативности и традиционализме, постепенно вызревали новые явления и формировалось новое мировоззрение – можно согласиться с мнением отечественного исследователя Л.Б. Сукиной, именовавшей эту эпоху «поздней осенью русского Средневековья» (указав при этом на то обстоятельство, что схожие процессы, на наш взгляд, породили уже упоминавшиеся выше протестантскую Реформацию и католическую Контрреформацию)²⁵.

Примечательно, что, говоря о русском «долгом XVI веке», нельзя не отметить, что его деление на «половины», «золотую» и «серебряную», в общем довольно точно совпадает с делением, предложенным Ф. Броделем. Согласимся с тем, что точно так же, как по отношению к той же Англии или Франции можно сказать, что Россия времен Ивана III и даже Василия III – это совсем не та Россия, которая будет при Иване IV. И даже Россия в 1547 г., в начале самостоятельного правления Ивана Васильевича. Больше того, Россия в 1583 г., в конце жизни Ивана Грозного, и Россия в начале его самостоятельного правления при всей их схожести – все же несколько отличаются друг от друга, не говоря уже о том, что будет после. Своими действиями Иван явно порушил «старину», сам того не желая (можно ли сказать, что он попытался, и в каком-то смысле не без успеха, осуществить в России «консервативную революцию»?). Попытки же вернуть ее, предпринятые после его смерти «сверху», в конечном итоге в немалой степени поспособствовали наступлению Смуты начала XVII в., которая до основания потрясла и Русское государство, и русское общество. Консервативная реакция, наступившая после Смуты, всеобщее стремление восстановить привычный досмутный порядок вещей, в конечном итоге не имела успеха – да, внешняя форма как будто была восстановлена, но вот внутреннее содержание оказалось уже иным. И, естественно, что подспудное ощущение того,

---

²⁴ О концепции китайских социально-экологических кризисов см.: *Культин Э.С.* Человек и природа в Китае. М., 1990.

²⁵ См.: *Сукина Л.Б.* Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVIXVII вв.). М.; СПб., 2021.

что окружающий мир изменяется, и явно не в лучшую сторону (причем эти ощущения явно присутствовали в коллективном сознании как всего русского общества, так и отдельных его «чинов» – освященного, служилого, торгового и земледельческого), не могло не породить и соответствующей реакции. Особенно бурный характер она принимает в XVII в. при первых Романовых («соляной бунт» 1648 г. и серия городских волнений конца 40-х – начала 50-х гг., «чумной бунт» в Москве в 1654 г., «медный бунт» и Раскол, Разинщина свидетельствуют сами за себя). Стрелецкий бунт 1682 г. как бы подвел черту под начавшимся в 1453 г. со смертью Дмитрия Шемяки русским «долгим XVI веком», став преддверием новой эпохи (хотя степень ее новизны, как считает американский русист Н. Колл-манн, вряд ли стоит преувеличивать²⁶).

Однако все это будет потом, нас же интересует начальный этап этой эволюции. Где искать отправную точку этих процессов, когда началась «осень русского Средневековья»? Пожалуй, мы не слишком сильно погрешим против истины, если скажем, что все началось еще в первой половине XV в., точнее, во второй его четверти, во времена печально неизвестной (а как еще ее можно назвать, когда о ней знают немногие посвященные в перипетии русской истории позднего Средневековья?) «Войны из-за золотого пояса» между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, а после его смерти – его наследниками Дмитриевичами, среди которых особенно яркой и колоритной была фигура Дмитрия Шемяки. Эта русская «война престолов», растянувшаяся на без малого четверть столетия, изобиловала неожиданными поворотами, изменами, интригами, убийствами и казнями. Василий II сумел одолеть своих конкурентов в этой борьбе, но дорогой ценой – он не только лишился зрения, но и избавился от каких-либо иллюзий относительно человеческой природы. Юный княжич, пройдя через перипетии смуты до конца, возмужал и заматерел, превратившись в расчетливого, циничного, беспощадного и, что уж там скрывать, подозрительного до болезненности правителя, который особо не стеснялся в выборе средств и методов в борьбе со своими явными и потенциальными недругами. Отметим, что прозвище, данное ему, Темный, порой связывают не с его слепотой, а с последствиями неудачной для великого князя битвы с татарами под Суздаlem в 1445 г., когда он был взят в плен неприятелем и был отпущен на волю за огромный выкуп. Злые языки утверждали, что одним из условий освобождения князя стало признание им своего вассального статуса по отношению к татарскому «царю» Улуг-Мухаммеду и превращение тем самым Василия в князя не «Тёмного», но «Темного», то есть обычного ордынского военачальника-темника²⁷. И этот Темный князь, «перебрав людишек» в своих владениях и удалив (кого в могилу, кого в эмиграцию, кого в заключение) всех, кого мог бы опасаться или кому не доверял, возобновил собиранье земель и явочным порядком, через все тот же «перебор людишек», серьезно продвинулся вперед в деле собиранья власти в руках великого князя.

Своему сыну Ивану III Василий завещал не только и даже не столько окрепшее и вставшее на ноги после Смуты государство. Более важным представляется другое. С одной стороны, Иван Васильевич, в последние годы правления своего отца являвшийся фактически его соправителем, на практике освоил сложное искусство управления и принял бразды правления, будучи достаточно опытным и искушенным политиком. С другой стороны, его отец в своей духовной грамоте отписал Ивану удел, размеры которого существенно превышали доли в отцовском наследстве его братьев. Благодаря этому переход власти из рук в руки прошел гладко, без каких-либо серьезных проблем (создается впечатление, что поразившая жителей столицы своей жестокостью и тем, что она была свершена в Великий пост, показательная казнь по весне 1462 г. серпуховских детей боярских, вознамерившихся было вызволить своего князя Василия Ярославича, брошенного Василием Темным в темницу²⁸, была отнюдь не случайна –

²⁶ См.: *Kollmann N.Sh. The Russian Empire, 1450–1801. N.-Y., 2017.*

²⁷ *Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997. С. 328.*

²⁸ См., например: *Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 157.*

великий князь тем самым хотел преподать урок потенциальным заговорщикам). Все это позволило Ивану III, который первым получил прозвище Грозного, практически довести до конца дело собирания земель и укрепления власти великого князя и господаря всея Руси. Он не только прибрал к своим рукам Новгород и Тверь (не считая более мелких уделов), но и серьезно прирастил территорию своего государства на западе за счет присоединения земель на «литовской украине» в ходе двух успешных русско-литовских войн 1486–1494 и 1500–1503 гг.

Василий III, сын от второго брака Ивана с византийской принцессой Зоей-Софьей Палеолог, унаследовав от Ивана III власть (на этот раз переход был не столь прост и однозначен, как в предыдущем случае, – Иван III долго колебался, кому отдать великое княжение, сыну Василию или же внуку Дмитрию; сам же Василий, придя к власти, первым делом приказал арестовать Дмитрия, показав тем самым, что он занял московский стол всерьез и надолго), завершил формирование ядра Русского государства. Именно при нем номинальная де-юре зависимость Пскова и Рязани от Москвы была превращена в реальную, а под его высокую руку перешел Смоленск.

Процесс собирания коренных русских земель, шедший параллельно с аналогичным процессом собирания власти в руках великого князя (скорее, быть может, не столько собирания, сколько возвращения), был завершен. Теперь перед верховной властью и ее окружением встал другой вопрос – более сложный и трудный уже хотя бы потому, что как это делать, было неясно, ибо в таких масштабах эту проблему никто из русских государей прежде не решал. Вопрос этот – внутреннее обустройство Русского государства. И ведь проблема состояла не только в том, что никто не знал, как обустроить Россию наилучшим образом – здесь как будто все было ясно, ибо нет ничего лучше, чем «старина». Нет, она заключалась в том, можно ли было влить новое вино в старые мехи.

Нам, обладающим послезнанием, очевидно, что такая попытка была заранее обречена на неуспех, однако современникам тех событий так не казалось, тем более что «новизна» отнюдь не выглядела таковой не только для молчаливого большинства. Между тем, явочным порядком, неосознанно, ведомые простой логикой вещей, Иван III и Василий III своими действиями по собиранию земель и власти создавали «новины», которые медленно, постепенно прорастали через «старину», разрушая исподволь устоявшийся порядок вещей. Трудно не согласиться с мнением отечественного исследователя А.И. Алексеева, который писал, характеризуя деятельность того же Ивана III, что «на глазах изумленных современников масштабные военные и политические предприятия Ивана III **меняли карту Восточной Европы**» (выделено нами. – *В. П.*), причем «не менее значительные начинания осуществлял великий князь и в области культуры, активно используя знания и опыт иноземцев (иноверцев)»²⁹. Кстати, именно с тесным общением Ивана III с иноземцами связывал один из первых русских «диссидентов», сын боярский И.Н. Берсень Беклемишев, нестроения и гибель «старины» на Руси. В своих разговорах с Максимом Греком он говорил, что-де «как пришли сюда (в Россию. – *В. П.*) грекове, ино и земля наша замещалася; а дотоле земля наша Руская жила в тишине и в миру», и далее, обращаясь к Греку, Беклемишев заявил: «Как пришли сюды мати великого князя, великая княгиня Софья с вашими греки, так наша земля замещалася и пришли нестроения великие»³⁰. И ведь при Иване III не только греки (а вместе с ними и итальянцы) хлынули в Русскую землю, проложив дорогу другим иноземцам и иноверцам. Активная экспансия на западном направлении и войны с Великим княжеством Литовским, которые начал Иван III (даже и не предполагая, что этот конфликт выльется в настоящую 200-летнюю войну между Русским государством и Литвой, а затем ее преемницей Речью Посполитой), привели к тому, что в Москву выехали

²⁹ Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 465.

³⁰ Следственное дело Максима Грека. 1521 // Сборник князя Оболенского. 3. М., 1838. С. 5.

многие представители аристократии и служилого сословия и Великого княжества Литовского, носители традиционного сознания и традиционных же ценностей.

Все это неизбежно вело к нарастанию противоречий внутри русского общества, к накоплению критической массы, которая рано или поздно должна была взорваться. Первые признаки растущего напряжения начали проявляться во второй половине правления Ивана III, и сам Иван этому в немалой степени поспособствовал. Жесткий, суровый, склонный к авторитарным методам управления политик, он, памятуя об уроках «Войны из-за золотого пояса», держал своих младших братьев в ежовых рукавицах, что, естественно, не могло не вызвать их недовольства, – по их мнению, старший брат отступал от «старины», рассматривая Русское государство как свою вотчину, а не семейное «предприятие». Характерный случай произошел в Пскове в самом конце XV в. Узнав о том, что Иван вознамерился поставить в Псковской земле князем своего сына Василия, псковичи били великому князю челом, чтобы он и его внук Дмитрий «держали отчину свою в старине, а которой бы велики князь на Москве, то и бы и нам был государь».

Ответом на эти слова стала опала, наложенная Иваном на псковских посланцев, и его гневная отповедь псковичам: «Чи не волен яз князь велики оу своих детех и оу своем княжении: комоу хочю, томоу дам княжение»³¹. Так что мятеж братьев Ивана Бориса Волоцкого и Андрея Большого Углицкого в 1480 г. был вполне закономерен, став ответом на продолжающееся постепенное размывание «старины» в межкняжеских отношениях, начатое еще в первой половине века. В самом деле, приказ Ивана III арестовать и доставить в Москву бывшего великолукского наместника князя И.В. Лыко Оболенского, на которого били государю челом лучане в его злоупотреблениях и который, не желая отвечать по обвинениям, «отъехал» («а бояром, и детем боярским, и слугам промеж нас волным воля» – из докончанья 1473 г. Ивана и Бориса³²) на службу к Борису Волоцкому, был воспринят удельным князем как вмешательство в его права суверена в собственных владениях. В самом деле, если князья взаимно обещали друг другу в дела их «доменов» «не вступатися» и «блюсти, и не обидети»³³, то Борис имел полное право ответить посланцу великого князя на требование выдать ему головой Лыко Оболенского: «Кому до него дело, ино на него суд да справа»³⁴. И когда Лыко Оболенский все же был тайно схвачен и в оковах доставлен в Москву, то обиженный младший брат счел в праве ответить на такое, с его точки зрения, самоуправство старшего брата мятежом.

Конфликт Ивана и его братьев был одним из звончков, предвещавших будущий кризис. За ним последовали другие. Зарождение и стремительное расползание ереси «жидовствующих» сперва в Новгороде, а затем и в Москве, ереси тем более опасной, что она угнездилась в интеллектуальной и политической элите Русского государства и свила себе гнездо в ближнем окружении самого Ивана III (да и сам государь если и не симпатизировал на первых порах ей, то, во всяком случае, не препятствовал ее умножению), явно свидетельствовало об определенном неблагополучии внутри русского общества на рубеже XV и XVI вв. С борьбой против «жидовствующих» оказалась теснейшим образом связана и ожесточенная дискуссия вокруг вопроса о праве монастырей владеть вотчинами, разгоревшаяся внутри русской церкви в конце XV в. (и отзвуки которой, впрочем, как и борьбы с ересями, были слышны еще и в начале правления Ивана IV), и династический кризис, вспыхнувший на рубеже XV и XVI вв.

Нельзя сказать, чтобы спокойным было и время правления Василия III. Последний, как и его отец, продолжал, как уже было отмечено выше, ту же политику, да и сам он был достойным наследником и преемником деда Василия и отца Ивана – жестким (порой до жестокости, как

³¹ Псковская 1-я летопись Продолжение Погодинского списка. // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 83.

³² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 227.

³³ Там же. С. 226.

³⁴ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 336.

в деле со своим племянником Дмитрием), расчетливым, циничным и авторитарным по складу характера политиком. Конечно, имперский посол С. Герберштейн вряд ли может считаться образчиком объективности и беспристрастности (что бы там ни говорили его «адвокаты»), однако определенная доля истины в следующих его словах есть. «Властью, которую он (то есть Василий. – *В. П.*) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира ... Всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством...», – писал Герберштейн. И дальше он продолжал: «Свою власть он применяет и к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него»³⁵.

Стоит ли удивляться тому, что Василию пришлось столкнуться с оппозиционными настроениями и глухим недовольством и при дворе, и в среде аристократии и служилого «чина», и внутри церкви. Дело уже упоминавшегося выше Берсенья Беклемишева может служить тому ярким примером. Карьера Ивана Беклемишева при дворе Василия III явно не задалась, и, как отмечал А.А. Зимин, это вполне могло способствовать его недовольству и своим служебным статусом, и вообще персоной государя – «времена Ивана III, когда отец его (Ивана Беклемишева. – *В. П.*) был в зените славы и у самого Берсенья раскрывались широкие перспективы, рисовались теперь уже пожилому придворному в самом радужном свете, а годы правления Василия III – в темных тонах»³⁶. Оказавшись чужим на празднике жизни, Берсень обвинял (и, надо сказать, не без основания) в том Василия III, позиционируя себя как ярого консерватора и сторонника «старинны» и традиции. «Мы слыхали у разумных людей, – заявлял он в разговорах с Максимом Греком, – которая земля переставливает обычаи свои, и та земля не долго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменял, ино на нас которого добра чаяти». На слова Грека о том, что государям виднее, как переменять обычаи ко благу государства, Берсень отвечал, что-де «лучше старых обычаев держатися и людей жаловати и старых почитати». Больше того (выдавая тем самым косвенно источники информации Герберштейна при дворе Василия III), наш «диссидент» заявил: «Ныне деи государь наш запершыся сам-третей у постели всякие дела делает»³⁷.

Далеко идущие последствия имел и вскрывший глубокие противоречия в правящей элите Русского государства нешуточный политический кризис, связанный с решением Василия III развестись со своей первой женой Соломонией Сабуровой из-за ее «неплодия» и жениться на Елене Глинской, племяннице «отъехавшего» в Москву в 1508 г. литовского магната Михаила Глинского. Хотя Михаил к тому времени давно сидел в тюрьме по обвинению в измене, это никак не помешало матримониальным планам Василия – юная Елена, судя по всему, в самом деле вскружила ему голову (по словам летописца, государь «зело възлюбил ю лепоты ради лица ея и благообразия възраста, наипаче же целомудрия ради, понеже обоа дарова ея Бог, благообразна и розумична»³⁸).

Проблема второго брака великого князя и государя всея Руси, по словам отечественного историка Я.С. Лурье, подняла «множество острых **политических и нравственных** вопросов» (выделено нами. – *В. П.*). Действительно, речь шла не только о том, что в случае, если Василий бы не сумел развестись и остался бы в итоге без наследника, то после его смерти вокруг трона произошли бы масштабные перемены со всеми вытекающими отсюда последствиями и для персонального состава политической и административной элиты Русского государства, и его политического курса внутри и снаружи. Эти очевидные следствия кризиса, на наш взгляд, были менее важны, чем те, о которых писал Я.С. Лурье: «**Поступок Василия III**

³⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 89, 93.

³⁶ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 272.

³⁷ Следственное дело Максима Грека. С. 5.

³⁸ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 166.

был вызовом традициям и церковным установлениям. Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти „государя всея Руси“, о том, **что сильнее: эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью...**»³⁹ (выделено нами. – В. П.). А если к этому добавить еще и неслышанный доселе для великих князей-ревнителей и защитников православной веры шаг Василия, который ради своей молодой жены пошел на то, чтобы сбрить бороду и тем самым «поругаться над образом Божиим»? Представ перед своими боярами и епископами с лицом, лишенным бороды, Василий объединил даже таких непримиримых противников, как ученейший митрополит Даниил (который, кстати, разрешил Василию от его брака с Соломонией Сабуровой) и неистовый инок Вассиан (Патрикеев).

Кризис, вызванный желанием Василия III жениться второй раз и понравиться молодой жене, благополучно разрешился (относительно, поскольку желанный наследник родился далеко не сразу и на этот раз – но об этом подробнее будет сказано дальше по тексту нашей книги), однако это вовсе не означало, что проблем стало меньше. Интересный образ морального состояния русского общества во второй половине правления Василия III рисует митрополит Даниил – человек, безусловно, весьма неординарный и вместе с тем неоднозначный. В своем богатом литературно-публицистическом (так его можно назвать, переводя на современный язык) наследии митрополит-книжник неоднократно касался проблем, которые породило в русском обществе разложение традиционной морали образа жизни (и случай с бородой великого князя был одним из тех примеров, который вызвал к жизни несколько гневных филиппик митрополита, обрушившегося с гневными укоризнами на тех, кто осмелился брить бороды).

Приведем лишь несколько из цитат из творений Даниила, в которых, конечно же, есть определенный элемент преувеличения, присущий любому публицистическому произведению (и традиционного недовольства отцов и дедов нравами нынешнего поколения), однако же есть и немалая доля истины (тем более что некоторые моменты подтверждаются сведениями из параллельных источников). Сетую на падение нравов в современном ему обществе, митрополит обращался к своей пастве с вопросом:

«Откуда бо многугубительныя разходы и долги?» И, задав этот вопрос, давал на него ответ: «Не от гордости ли и безумных проторов и на жену, и на дети кабалы и поруки, и сиротство, и рыдание, и мичяние, и слезы? Всегда наслаждения, и упитения, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежание, всегда мысли и помыслы нечистыя, всегда празность и безумная тосканиа, якоже неких мошенников и оманников демонским научением». Больше того, многие, считающие себя православными христианами, ведут, по мнению Даниила, и вовсе неподобающий образ жизни. Обращаясь к таким «помраченным», митрополит с горечью вопрошал, ради чего «ризы изменяеши, хождение уставляеши, сапоги велми черлены и малы зело, якоже и ногам твоим велику нужу терпети от тесноты и съгнетения их сице блистаюши, сице скачеша, сице рыгаюши и рзаеши, уподобляеши жребцу... Власы же твоа не точию бритвою и с плотию отъемлеша, но и щипцем ис корени исторзати и щипати не стыдишися женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяши»? Зачем, спрашивал тогдашних франтов и петиметров Даниил, благому же обычаю, простоте и кротости, и «смирению, якоже боголюцем обычаи есть, целомудренно и смиренно житии е не мало хошеши навькнути, но яко блудницам обычаи есть, сицев нрав твои уставляеши»? А дальше, отвечая на эти вопросы и показывая, в чем корень всех этих проблем, Даниил писал, что все эти беды связаны были с тем, что нынче «всяк ленится учиться художеству, все бегают рукоделиа, вси щापять торговани, вси поношают земледелателем». Вот так и не иначе – налицо всеобщее стремление к легкой и беззаботной жизни, «вси на земли хотят жити, вси по смерти жития не памятьствуют»⁴⁰.

---

³⁹ Очерки истории СССР. Т. V. М., 1955. С. 110–111.

⁴⁰ Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020. С. 772–773, 827–828.

Забегая вперед, отметим, что 25-й «царский» вопрос, заданный соборным отцам в 1551 г. на знаменитом Стоглавом соборе, гласил, что «по грехом слабость и небрежение, и нерадение вниде в мир в нынешня времена: нарицаемся христьяне, а в тридцать лет и старые главы бреют и брады, и ус, и платье, и одежи иноверных земель носят». На вопрос этот соборные отцы отвечали, ссылаясь на епископское поучение второй половины XV в., что-де «коейже стране законы своя и отчина, а не приходит друга к друзей, но своего обычая кояждо закон дръжит», почему и не стоит православным вводить поганских обычаев, но держаться своего⁴¹.

Одним словом, к середине XVI столетия, к тому времени, когда повзрослевший Иван IV готовился принять бразды правления в свои руки, не все ладно было в Русской земле. Напряжение в русском обществе, которое интуитивно ощущало происходящие изменения в окружающем мире и чувствовало, что эти перемены явно были не к добру, исподволь росло, прорываясь временами наружу, причем оно затрагивало все его слои и страты. Причины этого недовольства и этих волнений как будто лежат на поверхности – в царстве, оставшемся без грозы (И. Пересветов), сильные стали притеснять слабых, нарушать Божии заповеди и вообще вести себя неподобающим образом, да и само общество было нездорово изнутри, разъедаемое, по мнению таких консерваторов, как митрополит Даниил, всяческими соблазнами. На растущее недовольство низов произволом со стороны «сребролюбцев богатых и брюхатых» накладывались и ухудшение природно-климатических условий, обусловленное наступлением новой фазы малого ледникового периода со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для основы русской экономики того времени – сельского хозяйства, и разного рода природные и рукотворные катаклизмы, и растущая внешнеполитическая напряженность.

От верховной власти ожидали (случайно ли русские книжники еще со времен удельной старины разрабатывали учение об идеальном православном князе и его обязанностях перед Богом и «землей»?), что она возьмется за решение всех этих проблем и обустроит Россию образом, который устроит всех и вся. Эту сложнейшую задачу и предстояло решить Ивану Васильевичу, еще не Грозному.

Но как ее решать, если в распоряжении юного государя и его бояр не было ни соответствующей теории, ни наработанной практики, которые могли бы помочь в решении проблем, имевших мало общего с теми, с которыми приходилось сталкиваться прежде отцу и деду Ивана. И это не говоря о том, что сам Иван, формально принявший власть в 3-летнем возрасте, в отличие от Ивана III и Василия III, не имел на первых порах никакого опыта государственной деятельности.

---

⁴¹ Памятники древнерусского канонического права. Часть 1-я (Памятники XI–XV вв.) // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. Стб. 854; Стоглав. Тест. Словоуказатель. М., 2015. С. 64, 111.

Глава I Черная легенда (Вместо историографии)

Конечно, нет ничего легче, как истощать свое красноречие на поношение усопшаго; он не возстанет из могилы и не скажет: «Ты ошибаешься, ты судишь несправедливо; ты смотришь на дело не с той стороны, с какой истина велит его разсматривать; ты веришь ложным свидетелям»; но священный долг безпристрастия предписывает историку употреблять с самою строгою разборчивостью все порицательное, что ни найдет он в памятниках времен прошедших, и запрещает присовокуплять к древним укоризнам собственныя свои слова язвительныя, означающие или явное предубеждение, или желание похвалиться слогом.

Арцыбашев Н.С.⁴²

По традиции принято каждое серьезное историческое исследование предварять обзором исторической литературы по выбранной теме исследования. Однако мы решили этого не делать по двум, как нам представляется, веским причинам. Первая из них заключается в том, что «Иваниана», что российская, что зарубежная, если вести речь только о нововременной и новейшей историографии, насчитывает сотни (если не тысячи) самых разнообразных и разноплановых работ, серьезных и не очень, так что даже простое перечисление монографий, обзорных компендиумов и статей в сборниках, журналах, энциклопедиях и справочниках займет не один десяток страниц убористым шрифтом. Полноценный же критический разбор даже самых важных и основополагающих работ о личности Ивана Грозного и его эпохе заслуживает отдельного серьезного исследования (и, быть может, даже и не в одном томе – предположим, 1-й по отечественной, а 2-й – по зарубежной). Однако ограниченный объем этой книги не позволяет уделить этому вопросу особое внимание – оставим ответ на него на будущее.

Вторая причина, по которой мы решили не тратить время и страницы на подготовку историографического обзора. Если верить А.А. Зимину, одному из крупнейших специалистов по русскому «долгому XVI веку», видный отечественный историк – специалист по русскому позднему Средневековью и истории русского военного дела Ю.Г. Алексеев (к его работам и его идеям мы еще неоднократно по ходу нашего исследования будем обращаться) говорил: «Если читать труды других, то не хватит времени писать собственные»⁴³. Скорее всего, здесь мемуарист несколько преувеличил степень отрицания Ю.Г. Алексеевым ценности и важности историографии, но некую здравую основу он все же, как представляется, подметил точно – чрезмерное увлечение историографией проблемы может серьезно повредить собственным изысканиям.

Исходя из этих двух соображений, мы и решили, что отдельного историографического раздела в этой книге не будет, а необходимые замечания и пометки будут разбросаны по ходу повествования в самом тексте или в примечаниях к нему. Вместо этого начнем наше повествование с раскрытия истоков «черной легенды» об Иване Грозном, прочно утвердившейся в отечественной и тем более зарубежной историографии⁴⁴.

---

⁴² О свойствах царя Иоанна Васильевича // Вестник Европы. Часть СХХ. М., 1821. С. 126–127.

⁴³ Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 119.

⁴⁴ Характерный пример последней – внушительный том, написанный испанским историком И. де Мадарьягой (См. русский перевод: *Мадарьяга И. де. Иван Грозный. М., 2007*), который представляет собой добросовестную, но без особых изысков,

Начнем издалека. Мы уже писали в начале нашей работы, что в известном смысле середина XVI в. может считаться переломным временем в истории Московского государства и что Россия до этого времени и после него отнюдь не одно и то же. Яркое, насыщенное событиями правление Ивана III сменилось относительным затишьем времен Василия III (что, кстати говоря, нашло свое отражение и в историографии – количество исследований, посвященных эпохе первого Грозного, на порядок превышает число тех, что описывают историю Русской земли времен правления его сына). Однако это затишье оказалось своего рода прелюдией к настоящей буре, начало которой можно отнести к концу 40-х – началу 50-х гг. XVI в., времени, когда молодой царь Иван IV, возмужав и почувствовав вкус власти, начал прибирать бразды правления в свои руки.

В течение последующей четверти века правления первого русского царя раннемодерное Русское государство обретает свои законченные формы. Государственное здание, вчерне воздвигнутое Иваном III, его внуком было достроено и в таком виде (несколько изменившись, конечно) просуществует, почитай, еще сотню с гаком лет. Однако этот сложный и до сих пор не до конца проясненный в деталях процесс государственного строительства в массовом историческом сознании во многом оказался затемнен «черной легендой», которая сложилась вокруг личности и деяний первого русского царя. Титаническая фигура Ивана Грозного затмила собой и своих предшественников, и преемников, и в густой тени, которую отбрасывает этот трагический персонаж истории России на русский «долгий XVI век», многие детали его не видны. А ведь, как известно, дьявол кроется именно в деталях, и редуцирование истории русского «долгого XVI века» до «черной легенды» о безумном царе-тиране и деспоте только закрывает путь к познанию подлинной истории Русского государства и общества в эту переломную и для Русского государства, и для русского общества эпоху.

Но как появилась на свет эта «черная легенда», где находятся ее корни, откуда она произросла? Для ответа на эти вопросы для начала вспомним про одну почти забытую сегодня книгу. Сто лет назад, в 1922 г., рижское издательство «Дельфин» напечатало на дешевой бумаге, расплывающимся шрифтом и мизерным тиражом небольшое исследование эмигрировавшего после революции из России видного русского медиевиста Р.Ю. Виппера об Иване Грозном. Работа эта осталась малоизвестной, почти забытой (именно эта, а не второе ее издание, которое Виппер опубликовал в 1944 г., уже будучи советским историком, – естественно, расставив акценты в ней иначе, в соответствии с требованиями новой научной парадигмы). Лишь немногие историки, плотно занимающиеся эпохой Ивана Грозного, помнят о нем. А зря, поскольку Виппер, пребывая в «позиции вневходимости», смог подойти к оценке эпохи первого русского царя со стороны, подметив ряд деталей, на которые обычно не обращали (и продолжают не обращать) внимания другие исследователи, скованные в своей деятельности историографической традицией.

Итак, что же такого необычного написал Р.Ю. Виппер об Иване? А вот что: «Если бы Иван IV умер в 1566 году, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников, ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с неминуемой гибелью и распадом созданной им империи. Грозному также простили бы его опричнину и казни, как прощаются Александру злые убийства сподвижников, причуды и бред величия». К сожалению, продолжал историк, «несчастье Ивана IV в том, что ему пришлось пережить слишком ранние свои успехи, слава его, как завоевателя,

---

компиляцию прописных, хорошо известных еще со школьной скамьи, «истин» об Иване, но не более того. На другом полюсе находится посвященное Ивану Грозному недавнее исследование американского историка Ч. Гальперина (*Halperin Ch. J. Ivan the Terrible. Free to Reward & Free to Punish. Pittsburgh, 2019*), которое отличается от книги Мадарьяги не объемом (оно существенно меньше), но подходом и интерпретациями (в лучшую сторону).

померкла, дипломатические и организаторские его таланты забылись, он попал в другую историческую рубрику, под титул «тиранов»⁴⁵

---

⁴⁵ *Випнер Р.Ю.* Иван Грозный. Рига, 1923. С. 106.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.